

Ли Лин наконец поднял голову и посмотрел на него.

В этих больших круглых глазах читались тревога, ожидание и робкий страх перед отказом.

Ли Лин внезапно вспомнил вчерашний день. Вспомнил просыпанный рис, унесенные дрова, вылитую воду.

Мальчик не знал, что произошло, он лишь чувствовал, что кто-то проявил к нему доброту, и теперь боялся, что этот человек уйдет.

Помолчав, Ли Лин ответил:

— Не уйду.

Глаза Юань-эра засияли.

Ли Лин опустил голову и продолжил шить.

В ту ночь Ли Лин отправился в дровяной сарай и перенес оставшиеся дрова к себе в комнату. Затем сходил к чану и снова наполнил его водой. Что касается еды, то беспокоиться пока не стоило: на вырученные за ткань деньги можно было купить немного риса и муки.

После случившегося он не пошел никого допрашивать и ни на кого не жаловался. Он знал, что в таких делах расспросы бесполезны, а жалобы — тем более. Он также понимал, что именно этого они и добиваются: чтобы он потерял самообладание, начал умолять о помощи, встал на колени, вымаливая пощаду.

Но он не станет.

Он будет использовать правила, чтобы заткнуть им рты, и терпение, чтобы шаг за шагом преодолеть невзгоды.

Он докажет всем, что седьмого принца не так-то просто обидеть.

На третий день работы над одеждой за Ли Лином пришли.

Прислали незнакомого евнуха, одетого даже лучше, чем люди из Ведомства внутренних дел. Он говорил вежливо, но в его взгляде читалось высокомерие.

— Господин Ли, в Восточном заводе не хватает рук, вас одолжили на несколько дней. Собирайтесь и идите со мной.

Игла в руках Ли Лина замерла.

Восточный завод.

Он поднял голову и посмотрел на евнуха. Тот улыбался, но эта улыбка отличалась от оскала Смотрителя Суня: она была более обходительной и куда более загадочной.

— Позвольте спросить, что за поручение ждет меня в Восточном заводе? — поинтересовался Ли Лин.

Евнух усмехнулся:

— Придете — узнаете. Не волнуйтесь, дело хорошее.

Ли Лин больше не стал расспрашивать. Он отложил шитье — детская одежда была готова наполовину, успели пришить только один рукав — и, встав, отряхнулся.

— Подождите немного, я должен доложить Седьмому принцу.

Улыбка евнуха померкла:

— Маленький принц из Холодного дворца? К чему такие формальности? Идемте, там не любят ждать.

Ли Лин не двинулся с места. Он смотрел на евнуха спокойным взглядом:

— Седьмого принца нужно поставить в известность. Слуга не должен забывать о приличиях.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга. Наконец улыбка окончательно исчезла с лица евнуха. Он оглядел Ли Лина так, словно видел его впервые.

— Ладно, — бросил он, — иди быстрее и возвращайся.

Ли Лин направился в главный зал. Юань-эр сидел на полу, задумчиво глядя на недошитую одежду. Услышав шаги, он поднял голову, и его глаза засияли:

— Брат Линь!

Ли Лин помолчал, глядя на него, и произнес:

— Мне нужно отлучиться на несколько дней. Меня перевели в Восточный завод, я не могу отказаться.

Улыбка Юань-эра застыла.

— На... сколько дней? — его голос дрогнул.

— Не знаю, — ответил Ли Лин глухо. — Как закончу дела, сразу вернусь.

Юань-эр смотрел на него, и его глаза начали краснеть. Он прикусил губу, не плакал и не спрашивал, можно ли не уходить. Помолчав, он тихо прошептал:

— Тогда... я буду ждать тебя.

Ли Лин стоял у порога, глядя на маленькую фигурку, и хотел что-то сказать, но в итоге промолчал. Он развернулся и ушел, оставив позади лишь свою спину. И, конечно, полчана риса и десяток маньтоу, купленных на вырученные за ткань деньги.

Восточный завод оказался больше и холоднее, чем представлял себе Ли Лин. Его отвели в боковую комнату и заставили ждать. Ждать пришлось почти весь день.

К вечеру дверь открылась. Вошел евнух средних лет, одетый со вкусом, с бледным лицом и едва заметной усмешкой в уголках губ. Он сел напротив Ли Лина и окинул его взглядом.

— Тот самый, из Холодного дворца? — спросил он.

Ли Лин встал и слегка склонил голову:

— Да.

— Садись, — евнух махнул рукой.

Ли Лин сел и стал ждать. Евнух не спешил. Он медленно отпил чаю и только потом заговорил:

— Знаешь, зачем тебя вызвали?

— Слуга не знает.

Евнух улыбнулся — так же вежливо и так же неприятно, как тот евнух, что передал приказ.

— Ничего особенного. В Восточном заводе не хватает людей, мы одалживаем их отовсюду. Ты оказался в списке, вот тебя и взяли на пару дней. Будешь подметать, бегать с поручениями, а как закончим — вернешься.

Ли Лин слушал и молчал. Он знал, что это лишь прелюдия.

Действительно, евнух поставил чашку и сменил тон:

— Впрочем, раз уж ты здесь, хочу кое о чем спросить.

Ли Лин поднял взгляд. Евнух встретился с ним глазами, его улыбка не изменилась, но голос стал тише:

— Как тебе служит у Седьмого принца?

Сердце Ли Лина дрогнуло, но лицо осталось бесстрастным:

— Слуга не смеет рассуждать о своей службе, скажу лишь, что делаю все, что в моих силах.

— В силах? — усмехнулся евнух. — Ты и правда стараешься. Постоянно бегаешь в Ведомство внутренних дел, требуешь то одно, то другое, даже одежду этому маленькому принцу шьешь. Обычный слуга на такое не пойдет.

Ли Лин молчал, не сводя с него глаз. Евнух внимательно изучал его.

— Парень, скажу прямо, — он подался вперед и понизил голос. — Кое-кто не хочет, чтобы этому господину жилось слишком хорошо. Ты здесь новый, не стоит ради него наживать себе врагов.

Он достал из рукава кошель и положил на стол. Кошель был набит до отказа — там было не меньше десяти лянов серебра.

— Это тебе, — сказал евнух. — Вернешься — сам поймешь, как себя вести. Не нужно так усердствовать с получением положенного довольствия. И прислуживать можно без особого рвения. Понял?

Ли Лин смотрел на серебро и молчал. Евнух подождал, и, видя, что тот не отвечает, его улыбка померкла.

— Что? Мало?

Ли Лин поднял глаза:

— Слуга осмелится спросить: тот самый «кое-кто», о ком вы говорите, — это кто?

Евнух опешил, а затем холодно рассмеялся:

— Какое тебе до этого дело?

— Слуга хочет знать, кто же это так печется о Седьмом принце.

Евнух уставился на него, его взгляд стал острым.

— Парень, не будь неблагодарным, — он медленно поднялся и посмотрел на Ли Лина сверху вниз. — Бери деньги и делай то, что велено. Расспросы до добра не доведут.

Ли Лин тоже встал. Он посмотрел на кошель, потом на евнуха и, протянув руку, отодвинул серебро обратно.

Лицо евнуха изменилось:

— Ты что творишь?

Ли Лин ответил с таким спокойствием, будто обсуждал погоду:

— Слуга хочет сказать: положенное Седьмому принцу довольствие я все равно буду получать. А прислуживать буду так, как и положено слуге.

Он посмотрел евнуху прямо в глаза и добавил по слогам:

— Эти деньги мне не нужны.

Лицо евнуха помрачнело. Он сверлил Ли Лина взглядом, пытаясь разгадать его. Но Ли Лин стоял прямо, без тени подобострастия, с легкой улыбкой на губах. Это была не раболепная улыбка, а спокойная, отстраненная, словно он смотрел на что-то, его не касающееся.

Они долго смотрели друг на друга. Наконец евнух холодно рассмеялся и убрал кошель.

— Хорошо. У тебя есть хребет, — кивнул он. — Что ж, тогда жди.

Он развернулся и направился к выходу, но у самой двери обернулся:

— В Холодном дворце, если кто-то умрет, никто и не спросит. Ты... подумай о своей судьбе.

Дверь закрылась, шаги стихли.

Ли Лин стоял на месте, глядя на закрытую дверь. На его лице не дрогнул ни один мускул, но внутри закипало странное чувство. Не страх, не гнев, а невыносимое раздражение.

Он снова вспомнил мальчика. Вспомнил, как тот стоял под дождем, как дрожал в его объятиях, как покраснели его глаза, когда он говорил «я буду ждать».

При этих мыслях чувства стало трудно сдерживать.

«Твою мать, если вы меня не прикончите, я рано или поздно прикончу вас», — злобно выругался про себя Ли Лин.

Дни в Восточном заводе оказались еще тяжелее, чем он предполагал.

Его заставили чистить ночные горшки — работа та же, что и в хозяйственном дворе, но здесь люди были куда беспощаднее. Двенадцать часов в сутки работа шла без перерыва: едва успевал закончить одну партию, приносили следующую. Ночью удавалось поспать лишь пару часов, вставать приходилось еще до рассвета.

Но и это было не самым страшным. Хуже были «случайности».

На второй день его кто-то толкнул в спину — он упал вместе с бадьей, и грязная вода залила его с ног до головы. Тот, кто толкнул, лишь рассмеялся и ушел, никто даже не обернулся.

На третий день исчезла его одежда, которую он сушил во дворе. Поискав повсюду, он нашел ее в отхожем месте — кто-то бросил ее прямо в выгребную яму.

На четвертый день его еду вылили. Когда он пришел получать свою порцию, осталась лишь пустая чаша. Евнух, отвечавший за питание, осклабился:

— Пришел поздно, все вышло.

На пятый день, когда он спал, его накрыли одеялом и жестоко избили. Он пытался подняться, но видел лишь тени, скрывающиеся в темноте, и не смог разглядеть ни одного лица.

Ли Лин лежал на полу, корчась от боли. Он медленно сел, прислонившись к стене, и тяжело дышал. Били сильно — ребра пронзала острая боль, возможно, они были сломаны. Губа была разбита, во рту чувствовался привкус крови. Он вытер ее рукой и, глядя на кровь, вдруг вспомнил Юань-эра.

Что он сейчас делает? Хорошо ли ест? Не обижает ли его кто?

Думая об этом, он вдруг усмехнулся. Это была не горькая улыбка, ему действительно стало смешно.

Ли Лин прожил больше двадцати лет и никогда не думал, что из-за ребенка, которого знал меньше двух месяцев, его избьют до полусмерти.

Но он не жалел.

В тот день в боковой комнате он мог бы взять серебро. Мог бы притвориться, что не понимает намеков. Мог бы вернуться и делать все как все, не лезть в чужие дела, не высовываться и не бегать в Ведомство внутренних дел. Тогда бы ему не пришлось терпеть эти побои.

Но он этого не сделал.

Он и сам не знал почему.

Может, из-за тех глаз, которые светились каждый раз, когда он появлялся. Из-за глаз, которые так хотели плакать, но сдерживали слезы.

Может, из-за слов «тогда я буду ждать». Сказанных так тихо, будто мальчик боялся отказа или

не хотел его обременять.

А может, просто потому, что тот называл его «брат Линь».

Все так просто.

Ли Лин прислонился к стене и закрыл глаза. Вокруг кто-то разговаривал, смеялся, ходил туда-сюда. Никто не знал, что в этом углу лежит человек, только что переживший избиение.

Он сидел и ждал рассвета.

В Холодном дворце дела у Юань-эра тоже шли неважно.

В первый день после ухода Ли Лина кто-то постучал в дверь. Юань-эр не осмелился открыть. Он спрятался в комнате, зажав рот рукой, не смея даже дышать. Люди снаружи постучали, выругались и ушли. Юань-эр сидел в углу, дрожа всем телом. Он не знал, кому перешел дорогу и чего от него хотят. Знал лишь одно: брата Линя нет, нужно быть осторожным.

На второй день пришли снова. В этот раз не стучали — перелезли через стену. Юань-эр услышал шум и залез под кровать. Он закутался в ту самую недошитую одежду и сжался в комок, боясь пошевелиться. Люди бродили по двору, бранились, выкрикивая что-то вроде «куда спрятался этот щенок» и «повезло ему, что сбежал». Юань-эр зажал рот, слезы катились по лицу, но он не издал ни звука. Они пробыли там долго, так долго, что Юань-эру показалось, будто уже стемнело. Наконец шаги стихли.

Юань-эр вылез из-под кровати, весь в пыли. Он сел рядом с кроватью, обнял одежду и тихо позвал:

— Брат Линь...

Никто не ответил. Он прикусил губу, сдерживая слезы. Брат Линь велел ждать. Значит, надо ждать.

Третий, четвертый, пятый день. Приходили каждый день. Иногда стучали, иногда перелезали через стену, иногда швыряли камни во двор. Казалось, они знали, что он один, и выбирали именно это время, чтобы издеваться над ним.

Юань-эр многому научился.

Научился слушать шаги. Если приходило много людей — прятался под кровать, если мало — забивался в угол за сараем, который сам же и нашел.

Научился следить за временем. Днем, когда приходили люди, он прятался, а ночью, когда они приходили, притворялся спящим, не шевелясь под одеялом.

Научился не есть горячую еду. От нее шел запах, который мог привлечь незваных гостей. Он ел холодные маньтоу, забившись в угол, не издавая ни звука.

Его лицо становилось все бледнее, тени под глазами — все темнее, он исхудал до костей.

Но он никогда не плакал в голос. Только по ночам, когда становилось совсем невмоготу, он обнимал недошитую одежду, зарывался в нее лицом и шептал:

— Брат Линь...

— Брат Линь...

— Брат Линь, когда ты вернешься...

Голос звучал так тихо, как комариный писк, слышный только ему самому.

Десятый день.

Ли Лина вызвали на работу, но он обнаружил, что его инструменты пропали. Обыскав все, он нашел их в колодце — кто-то сбросил их туда. Он стоял у края колодца, глядя на утонувшие инструменты, лицо его оставалось бесстрастным. Мимо проходили люди, бросали на него взгляды и уходили. Никто не проронил ни слова.

Ли Лин пошел к главному евноху. Тот, выслушав его, лишь приподнял веки:

— Потерял? Сам виноват, кого винить? Все вещи в Восточном заводе на счету, будешь возмещать из своего кармана.

Ли Лин постоял, помолчал и кивнул. Уходя, он услышал за спиной смех.

В тот вечер он остался без еды — не потому, что ее вылили, а потому, что он даже не пошел ее получать. Его жалованье удержали в счет возмещения ущерба за инструменты. Оставшихся денег не хватило бы даже на миску каши.

Он лежал в своей тесной каморке, тело болело, живот сводило от голода, но разум оставался ясным.

Он думал о ребенке.

Одиннадцать дней. Как он там один? Не обижают ли его? Хорошо ли ест? Не боится ли по ночам?

Он вспомнил ту грозовую ночь. Вспомнил, как мальчик стоял на пороге, промокший до нитки, с красными глазами и словами «я боюсь». Вспомнил, как маленькое, худое тельце дрожало в его объятиях. Вспомнил, как ребенок заснул, свернувшись в калачик, тихо и безмятежно дыша.

Ли Лин закрыл глаза.

Скоро. Еще пара дней, и можно будет вернуться.

С этой мыслью он медленно провалился в сон.

Двенадцатый день.

В Холодном дворце Юань-эра снова застали врасплох.

В этот раз пришли неожиданно, он не успел спрятаться, и его вытащили из-за сарая.

— О, вот где ты прятался, — человек схватил его за воротник и поднял, как цыпленка.

Юань-эр отчаянно сопротивлялся, но сил не хватало. Он был слишком худым и легким, чтобы

противостоять им.

— А ты умеешь прятаться, щенок, — подошел другой, смерил его взглядом и цокнул языком. — А мордашка-то ничего.

Юань-эр прикусил губу и молчал. Он знал: чем больше говоришь, тем сильнее издеваются.

— А где тот евнух? — спросил кто-то. — Тот, что прислуживает тебе, Ли Лин, кажется?

Глаза Юань-эра дернулись, но он по-прежнему молчал.

— Да плевать, — тот бросил Юань-эра на землю. — Слушай сюда, малец. Будь тише. Не проси того, чего не положено, понял?

Юань-эр упал, разбил колено, выступила кровь. Он лежал, не шевелясь. Люди еще немного побранились, пнули его пару раз и ушли.

Юань-эр долго лежал, прежде чем подняться. Посмотрел на колено — штанина пропиталась кровью. Прикусывая губу, он, прихрамывая, поплелся в комнату.

Недошитая одежда все еще лежала на кровати. Он взял ее и прижал к себе.

— Брат Линь... — прошептал он. — Я не боюсь... я не боюсь...

Но, несмотря на слова, слезы покатились из глаз. Он поспешно вытер их рукавом и уткнулся лицом в одежду.

От нее пахло братом Линем. Вдыхая этот запах, он перестал дрожать.

Брат Линь велел ждать.

Он будет ждать.

Пятнадцатый день.

Ли Лина наконец отпустили.

Выходя из ворот Восточного завода, он оглянулся. Эти дни были похожи на кошмар, но он выстоял. Он ощупал ребра — они все еще болели, но, кажется, не были сломаны. Рана на губе затянулась, на лице остались синяки.

Но ему было не до того.

Он ускорил шаг, направляясь к Холодному дворцу. Шел все быстрее, почти переходя на бег.

Толкнул дверь Холодного дворца — во дворе было пусто. Он подошел к главному залу и остановился у порога. Дверь была приоткрыта.

Он тихо толкнул ее.

В комнате было темно. Маленькая фигурка сжалась в углу кровати, обнимая недошитую одежду, не шевелясь.

Ли Лин подошел и присел на корточки.

Мальчик исхудал до неузнаваемости. Щеки ввалились, глазницы запали, синяки под глазами стали совсем черными. На колене была привязана тряпка, оторванная от той самой одежды, кровь на ней уже засохла.

Ли Лин смотрел на эту тряпку, и сердце словно сжало чьей-то железной рукой.

Он протянул руку и осторожно коснулся лица ребенка.

Юань-эр вздрогнул и в испуге отпрянул, но тут же узнал того, кто перед ним.

— Брат... Брат Линь?

Его голос был таким хриплым, словно он не разговаривал целую вечность.

Ли Лин смотрел на него и кивнул.

— Я вернулся.

Глаза Юань-эра мгновенно покраснели. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Он лишь протянул руку и схватился за рукав Ли Лина, сжимая его изо всех сил.

Ли Лин посмотрел на эту маленькую ручку. Она стала еще худее, косточки выпирали, как у засохшей ветки.

Он ничего не сказал, лишь притянул это маленькое тельце к себе в объятия.

<http://bllate.org/book/18783/1823129>